

ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ

ВОДОВОЗ

Первое письмо от Григория Ивановича Каширина пришло в полк спустя месяц после его ранения.

«Товарищ майор,— писал Каширин.— В первых строках моего письма докладываю Вам обстановку. Обстановка в палате благоприятная. Маскировка в белый цвет полная, имеются даже занавески».

Заканчивалось письмо обещанием быстро поправиться и вернуться в полк.

Прочитав письмо, майор Жерновой недоверчиво покачал головой. Он вспомнил, как Каширин с землистым лицом и серыми, почти чёрными губами лежал на носилках: он был тяжело ранен в бедро и голень. Раненые, когда пишут из госпиталя, часто обещают быстро поправиться. Если им верить, они и в госпиталь-то попали по недоразумению.

От Каширина долго не было ни слуху ни духу, как вдруг он предстал перед майором собственной персоной.

— Сержант Каширин из госпиталя прибыл! — лихо отрапортовал он.

— Ну-ка, покажись, Григорий Иванович. Как там тебя залатали?

Майор шагнул навстречу Каширину, они обнялись. Оба воевали вместе ещё у Соловьёвой переправы. Григорий Иванович за эти месяцы изменился мало, разве что похудел и от этого казался более долговязым, а шея — более длинной. Плечи были столь покатыми, что сержантские погоны Каширина хорошо видны и сбоку. Шинель, изжёванная и мятая, была непомерно широка, и казалось, надета на голое тело. Широкий воротник подчёркивал худобу шеи.

Майор, обрадованный возвращением Каширина, шутил, смеялся и уже несколько раз спрашивал:

— И как ты полк нашёл? Тысячу вёрст от речки Лучесы отмахали — это не фунт изюму!..

Григорий Иванович сидел напротив майора, насупившись, и молчал, будто был виноват, что его ранили за несколько дней до наступления на злополучной высоте 208,8 под Витебском, а полк без него прошёл с боями к Восточной Пруссии.

— Ну, теперь признавайся: сбежал из госпиталя? Как в прошлый раз?

— Нет, товарищ майор, — вздохнул Каширин. — На этот раз полный срок отбыл.

— Так в чём же дело?

— Меня комиссия по чистой уволила. — Каширин потупился. — Совсем с действительной службы. Поскольку левая нога у меня того...

— Хромаешь?

— Немножко есть.

— Да... — невесело сказал майор и принялся вертеть в руках карандаш.

— Вот, хочу здесь обжаловать эту комиссию. Мало ли что нога! Где-нибудь в тылах пристроюсь. А из полка мне дороги нет, сами знаете.

Майор тоже помрачнел. Жалко терять такого снайпера, жалко и самого Каширина. Но с другой стороны, ку-

да девать инвалида? Майор в раздумье поднял глаза на Каширина и внимательно оглядел его.

— Ну, и шинель на тебе! Прямо пугало. И где их только находят в госпиталях, эдакие шинели... Вот тебе записка на вещевой склад. Переоденешься—там видно будет.

Григорий Иванович поднялся и, слегка прихрамывая, направился к выходу.

— Хотя постой!—крикнул майор и от возбуждения даже встал.—Вот что! Оставайся-ка ты там, Григорий Иванович, кладовщиком. Принимай склад. Лизунков—парень молодой, здоровый, и негоже ему там войну коротать.

Каширин был от такого предложения на седьмом небе, но майора не поблагодарил и восторга не выразил.

Через неделю он совсем освоился с новой работой—переругивался со старшинами, отпускал новенькое обмундирование, принимал рубахи, портянки и шинели, отслужившие свой срок.

Дыхание переднего края, проходившего в те дни по самому краю советской земли, вдоль прусской границы, доносилось и сюда, в тихий вещевой склад, пропахший затхлой ветошью. Старая одежда пахла порохом, оружейным маслом и потом войны, на ней виднелись бурые пятна крови.

Григорий Иванович научился многое узнавать о владельцах старой одежды.

Блестящее, отполированное пятно у правого плеча на гимнастёрке—след приклада автомата. У разведчиков обмундирование больше, чем у других, продрано на локтях и на коленях. У сапёров всегда изорваны в клочья рукава и полы шинелей или рубах—острые следы колючей проволоки. Гимнастёрка, замасленная на груди до чёрного блеска, будто её смазали гуталином, принадлежит подносчику, ящичному. Много тысяч снарядов поднёс он к орудию и каждый снаряд прижимал к груди бережно, как младенца.

Чем острее слышны были в складе запахи боёв, тем

больше тяготился своей работой Каширин. Он стал подолгу пропадать в оружейной мастерской, расположенной по соседству со складом, а увидав там однажды новенькие самозарядные винтовки, принялся кланчить такую винтовку у оружейного мастера Лапшина.

— Ну зачем тебе такая винтовка? — допытывался Лапшин. — Мышей, что ли, по ночам в складе пугать?

— Мыши сюда, Филипп Филиппович, не касаются. А склад охранять — дело серьезное. И винтовка тут, Филипп Филиппович, требуется первый сорт. Поскольку нахожусь я на действительной службе...

— Новости! — рассердился Лапшин. — Нужна тебе такая винтовка, как танкисту шпоры!..

Но Каширин всё-таки добился своего: получил самозарядную винтовку отличного боя. Он никому не доверил новенькой винтовки, сам выверил и пристрелял её.

Назавтра Каширин отправился к майору Жерновому:

— Товарищ майор, до-

кладываю обстановку. На складе всё в порядке. Шаровары и рукавицы получены. Разведчикам выданы сапоги согласно приказу...—Каширин помялся, потом сказал:—А мне разрешите ключи сдать. Хочу со склада податься.

— Чем же там плохо?

— Лучше водовозом на кухне. По крайней мере, почётное занятие. И повар приглашает, надеется на меня.

— Чудак ты, Каширин! Ну чем тебе плохо на складе? Тихо. Не дует. Не каплет над тобой. Пешком ходить много не приходится. Я тебя нарочно послал туда, на спокойную жизнь.

— Хороша спокойная жизнь! То с одним старшиной поругаешься, то с другим. Вчера тыловой крысой обозвали, сегодня—интендантской душой. А мне в интенданты записываться никак нельзя. Сами знаете, товарищ майор.

— Ну что же, сдавай склад старшине!—сказал Жерновой устало.—С твоим характером там не усидеть.

Каширин видел, что майор им недоволен, но старал-

ся об этом не думать. Важно, что разрешение получено и можно распрощаться со складом.

Повар и в самом деле усиленно тянул Каширина к себе в помощники.

— Пешего хождения или тем более беготни у водовоза нету,— уговаривал повар.— Вприсядку пускаться вокруг котла тоже не нужно. Так что нога тормозить не будет.

Повару льстило, что в помощниках у него будет состоять человек, знаменитый в полку. Кроме того, ему надоело возиться с водовозом Батраковым: тот всегда носил в кармане три индивидуальных пакета, а когда уезжал по воду, бледнел от страха.

За опушкой леса протекал ручеёк, но вода в нём была не питьевая—с какой-то противной горечью и запахом гнили. Оставался родник вблизи берега Шешупы, на переднем крае.

Родник бил у восточного подножия холма, но дорога туда просматривалась, и иной раз фашисты стреляли по водовозу из миномётов. Трусоватый Батраков ездил той дорогой только ночью, а днём приставал ко всем с просьбой экономить воду. Каширин успевал сделать за ночь несколько рейсов к роднику, но перед рассветом обычно собирался туда ещё раз.

— Слезай с бочки, Григорий Иванович,— сказал однажды повар.— Хватит на сегодня, слезай. У меня ещё со вчерашнего дня полный бак.

Каширин подобрал верёвочные вожжи, но остался сидеть на облучке и сказал:

— Куда её, вчерашнюю? Разве на стирку? Лучше я тебе свежей воды привезу, про запас.

— А обратно? Рассвет теперь торопливый.

— Пусть!—сказал Каширин и при этом лукаво подмигнул, хотя повар в полутьме не мог ничего увидеть.— Не много фрицы против солнышка заметят. В это время их наблюдатели—как слепые котята. Дорога-то моя от туда—прямо на восток!

Повар недоверчиво покачал головой, но спорить не стал.

Новый водовоз отрыл окоп на восточном склоне холма. Он подъезжал к роднику, набирал воду, потом заводил свою кобылу Осечку в укрытие, как в стойло, а сам лез наверх в траншею к стрелкам. Траншея тянулась крутой дугой чуть пониже гребня холма. Каширин, приняв по возможности бравый вид и стараясь не прихрамывать, торопливо проходил в северный конец траншеи.

Каширин устраивался в траншее так, чтобы солнце вставало прямо за его спиной. Фашисты в час восхода сменяли караулы и завтракали. Они сновали по ходу сообщения пригнувшись, но нередко то тут, то там показывалась на мгновение голова в пилотке чужого покроя.

Каширин долго наблюдал за небольшой копной соломы на том берегу Шешупы, левее пограничного столба. Ну какой крестьянин оставит копёнку, когда рядом высится большая копна? Два дня Каширин присматривался, а на третье утро решил действовать.

Первой зажигательной пулей он поджжёт солому. «Подходяще горит немецкая солома!»—весело заметил Каширин. Второй пулей подстрелил снайпера, который прятался в соломе и выскочил из горящей копны.

Редко в какое солнечное утро Каширин уходил из траншеи без того, чтобы не подстрелить врага.

Он успевал проскочить со своей бочкой обратно, пока солнце стояло невысоко над горизонтом и прятало водовоза в косых слепящих лучах.

Каширин приезжал на кухню, распрягал Осечку и тотчас же начинал разбирать и чистить винтовку.

За этим занятием и застал его майор Жерновой.

— Ну и плут же ты, Каширин!—сказал майор, стараясь казаться сердитым.—Просился в водовозы, а ходишь в снайперах?

Григорий Иванович вскочил, вытянулся, шея его сразу стала ещё более длинной, а воротник более широким, и

принялся молча вытирать ветошью руки, все в оружейном масле.

— Восемнадцать фрицев за месяц—это не фунт изюму!.. Ты, Григорий Иванович, прямо как старый боевой конь.

— Был конь, да изъездился,—мрачно заметил Каширин.—Теперь бочку возит туда-обратно.

— Опять недоволен.

— Что же хорошего—в кухонном звании ходить?

Повар, стоявший рядом, слышал весь разговор. Он укоризненно покачал головой. Каширина это не остановило.

— А мне, товарищ майор, сами знаете, оставаться во втором эшелоне невозможно. Поскольку я на действительной службе...

Майор рассмеялся, не сказал ни да, ни нет и пошёл прочь. Каширин заторопился за ним вдогонку. Он хотел «доложить боевую обстановку», то есть попроситься в снайперы и завести речь о винтовке с оптическим прицелом. Каширин шагал довольно быстро и не припадал, как прежде, на левую ногу. Может быть, он умело скрывал хромоту, а может, и в самом деле поправился.

